

Памяти Александра Ивашкина

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ВЫДАЮЩЕГОСЯ МУЗЫКАНТА

31 января 2014 года в Лондоне в возрасте 65-ти лет после тяжелой болезни скончался выдающийся музыкант нашего времени – виолончелист, дирижер, музыковед, педагог, пропагандист современной музыки, профессор Голдсмитс Колледжа при Лондонском университете, директор лондонского Центра Русской Музыки Александр Васильевич Ивашкин. Это огромная и невосполнимая потеря не только для тех, кто его хорошо знал, и не только для русской музыки, но для музыкального искусства в целом.

Впервые имя Александра Ивашкина я услышал в апреле 1969 года в связи с совершенно невероятным событием, которое должно было произойти в Москве – фестивалем авангардной музыки. Двадцатилетний студент Ивашкин был одним из его инициаторов наряду с уже известными тогда пианистами – Алексеем Любимовым и Борисом Берманом, а также кларнетистом Львом Михайловым. Как и следовало ожидать, советские чиновники запретили эту «идеологическую диверсию», но каким-то чудом в малом зале Института имени Гнесиных все же состоялся концерт в трех отделениях, составленный из лучших номеров, подготовленных к фестивалю: произведений трех главных представителей нововенской школы и целого ряда отечественных композиторов. Тогда же я впервые услышал завораживающую игру Ивашкина, исполнившего виолончельные пьесы А. Веберна и Э. Денисова, участвовавшего в ансамблях: в «Оде Наполеону» Шёнберга, Композиции № 2 В. Екимовского и паразитической по своему остроумию «Серенаде» А. Шнитке. Концерт этот привлек публику в полный восторг и оказал на меня, тогда студента второго курса Московской консерватории, огромное и решающее влияние.

Тем не менее формальное наше знакомство с Сашей состоялось девять лет спустя: 21 февраля 1978 года накануне премьеры сочинения моей жены, Елены Фирсовой, «Постлюдия» для арфы и камерного оркестра, в котором я участвовал в качестве исполнителя партии колокольчиков, а Ивашкин как музыковед должен был делать вступительное слово к каждому номеру предстоящего концерта. К Лене подошел высокий молодой человек с серьезным интеллигентным лицом в больших, почти квадратных очках, скромно представился и мягким голосом спросил, почему сочинение называется «Постлюдия». Лена сказала, что это музыка, звучащая после того, чего никогда не было. Саша понимающе кивнул и что-то записал в своем блокноте.

Саша Ивашкин был моим сверстником. Он родился 17 августа 1948 года в Благовещенске. В 1971 году окончил Музыкально-педагогический институт имени Гнесиных по двум специальностям: как виолончелист (в классе профессора Александра Кирилловича Федорченко) и как музыковед (в классах Алексея Алексеевича Степанова и Михаила Евгеньевича Тараканова). Ивашкин занимался также дирижированием в Московской консерватории у Геннадия Николаевича Рождественского, Бориса Эммануиловича Хайкина и Валерия Кузьмича Полянского.

Уже тогда Саша был широко известен как музыковед и критик. В программах почти каждого концерта, в музыкальных журналах мы читали аннотации и критические статьи, подписанные его именем. За год перед этим вышла его книга о виолончелисте Святославе Кнушевицком, другая книга о виолончелисте Дании-

ле Шафране уже была сдана в печать. В его замыслах входили монографии о композиторах Кшиштофе Пендерецком, Чарльзе Айвзе и Альфреде Шнитке. В 1979 году Саша стал кандидатом искусствоведения. И в то же самое время мы видели его на сцене, играющим на виолончели: соло, в различных ансамблях, а также в оркестре Большого театра, где он стал концертмейстером группы виолончелей. Все это вызывало чувство уважения и удивления: откуда у человека берется столько энтузиазма, энергии, таланта?

Всегда и всюду Саша появлялся вместе со своей женой Наташей Павлуцкой, тоже виолончелисткой, и их было невозможно представить друг без друга. Мы стали видеться все чаще и не только на концертах, но и в домашней обстановке. Первый раз они пригласили нас к себе 15 февраля 1981 года. Жили они далеко от центра Москвы – около метро «Юго-западная». В обычной небольшой московской квартире была, правда, на удивление хорошая японская техника для прослушивания музыки, так как Саша часто ездил с Большим театром за границу на гастроли.

Мы тогда обсудили с Ивашкиным одну забавную историю: не так давно Саша, будучи в Японии, заблудился на прогулке и опоздал в отель на час с небольшим, но за это время поднялась паника, и по «Голосу Америки» успели передать, что Ивашкин «остался» в Японии. Тревога оказалось ложной.

В Сашиной богатой библиотеке больше всего было нот и записей музыки Альфреда Шнитке, которого он боготворил. В ответ Шнитке посвятил Ивашкину свой «Гимн № 3» для виолончели, фагота, клавесина и колоколов, написанный в 1975 году, и мы не раз слышали его в исполнении Саши.

Нередко мы пересекались с Ивашкиными в домах творчества композиторов и особенно дружно проводили время вместе летом 1984 года в Сортавале в одной компании с Эдисоном Денисовым и Александром Кнайфелем: катались на лодках по Ладоге, купались на лесных озерах, жгли костры, собирали, жарили и вместе поедали грибы. Денисов показывал нам с Сашей свои только что написанные партитуры и много рассказывал и о них, и о своих музыкальных идеях и планах. Саша внимательно прислушивался и сказал мне однажды, что если бы записать речь Денисова слово в слово, лучше всего на магнитофон, то из этого можно было бы составить весьма интересную книгу. Подобную идею Саша осуществил десятилетие спустя, но не с Денисовым, а с главным своим кумиром, выпустив, на мой взгляд, самую важную и интересную свою книгу: «Беседы с Альфредом Шнитке».

Еще в конце 1970-х годов Ивашкину пришла в голову мысль создать музыкальный ансамбль, и он тут же воплотил эту идею в жизнь. Так Саша стал художественным руководителем камерного ансамбля «Солис-

ты Большого театра». Александр Лазарев дирижировал, а он играл и составлял программы, главным образом из произведений композиторов западного и отечественного авангарда. Поэтому концерты эти приходилось «пробивать», и порой с большим трудом, в малых залах Большого театра и Московской консерватории, в Союзе композиторов, где это удавалось благодаря несравненному энтузиазму Эдисона Денисова. Нередко программы состояли из сочинений, написанных по личной просьбе Ивашкина такими композиторами, как Э. Денисов, А. Шнитке, С. Губайдулина, Н. Корндорф, А. Вустин, В. Шуть, В. Тарнопольский, А. Раскатов, Ф. Караев и многие другие. Этой чести вскоре удостоились и мы с Леной: Лена написала по просьбе Саши «Музыку для 12-ти» (1986), а я «Траурные каноны памяти Стравинского» (1981), затем «Каприччио на отъезд...» (1982, по одноименной клавишинной сюите И.С. Баха).

Отъезд — это то, что маячило перед нашим внутренним взором как почти неизбежный и необходимый акт избавления от той безнадежной и унижительной ситуации, в которой, по милости узколобых чиновников, оказалась отечественная культура, в том числе музыкальная. Унижению подвергались писатели, поэты, художники, композиторы и музыканты-исполнители. Их запрещали, клеймили с трибун, в газетах, давили бульдозерами, высылали за границу. Все, что выходило за тесные идеологические рамки, подвергалось репрессиям. Это была ненормальная, губительная ситуация для искусства, и Саше с его интересами и пристрастиями нечего было делать в официально разрешенных рамках. В 1978 году жертвами публичной травли стали режиссер Юрий Любимов, дирижер Геннадий Рождественский и композитор Альфред Шнитке, работавшие над новой парижской постановкой оперы Чайковского «Пиковая Дама». Вот что Ивашкин писал об этом:

«Я никогда не забуду дня появления статьи Жюрайтиса в "Правде" — повеяло тридцатыми годами, и лексикон автора был соответствующим. Работая в Большом театре, я хорошо знал Жюрайтиса и даже дружил с ним, считая его умным и талантливым человеком. После этой публикации я, как и многие другие, вообще перестал замечать его... Интересная деталь: Жюрайтис приехал тогда

в Москву на новом автомобиле, который он только что купил в Париже. Совершенно очевидно, что такой неожиданный и краткий приезд в Москву — был специально санкционированной где-то в верхах оплаченной командировкой по доставке статьи».

В 1979 году во время VI съезда Союза композиторов мы тоже получили свое, попав в черный список, так называемую «семерку Хренникова». Те, у кого находилась возможность уехать, уезжали, сознавая при этом, что будут полностью вычеркнуты из истории отечественной культуры. Так, не говоря уже о сотнях музыкантов-исполнителей, дирижеров и музыковедов, мы потеряли таких выдающихся композиторов, как Андрей Волконский в 1973 году, Александр Рабинович — в 1974, Арво Пярт — в 1980, Виктор Суслин — в 1981, Филипп Гершкович — в 1987, Леонид Грабовский — в 1990. В том же 1990 году уехал по приглашению на работу в Германию Альфред Шнитке, а в Новую Зеландию Александр Ивашкин. Тем самым мы лишились столько друзей и коллег, как нам казалось, навсегда. 1991 год принес новые потери. В Канаду уехал Николай Корндорф, а в Германию — Василий Лобанов, Гия Канчели и София Губайдулина. Так что, когда в апреле того же года нас пригласили на пять дней на Лондонский музыкальный фестиваль, мы решили не торопиться с возвращением.

Итак, мы с Сашей оказались на двух противоположных полюсах земного шара. В Университете Кентербери в городе Крайстчёрч на Южном острове Новой Зеландии Саша проработал десять лет в должности профессора виолончели и камерного ансамбля. Несмотря на такую невероятную даль, мы были в курсе дел друг друга. Мы переписывались, и он присылал нам в Англию свои новые книги, вышедшие уже после его отъезда. Сначала это была великолепная книга о жизни и творчестве Чарльза Айвза (1991). Собирая материалы к этому исследованию, Ивашкин специально ездил в Америку и встречался с вдовой Айвза, предоставившей Саше уникальные сведения. За этим последовали его потрясающие по своим откровениям диалоги с Альфредом Шнитке (1994), а также объемная монография о Шнитке на английском языке (1996).

Одновременно Саша развил бурную концертную деятельность, стал выступать как солист, гастролировать, играть с оркестрами, записывать компакт-диски. В марте 1992 года он сообщил мне, что сыграл мою «Монограмму» на фестивале в Аделаиде, в Южной Австралии. Эта короткая пьеса для виолончели соло, написанная в ноябре 1990 года перед самым Сашиним отъездом, была посвящена ему и основана на музыкальных буквах имени: ivASHkin AIExAnDEr vASiliEvitCH (здесь они выделены прописными буквами). В 1993 году Ивашкину было присвоено звание доктора искусствоведения. В 1995 году, благодаря финансовой поддержке фонда Дениса и Верны Адам (Denis and Verna Adam), Саша и Наташа сумели организовать Международный фестиваль и конкурс виолончелистов имени Адама, в жюри которого они пригласили Мстислава Ростроповича, Давида Герингаса, Каринэ Георгиан и других известных музыкантов.

В 1999 году Ивашкины переехали в Лондон, где Саша стал профессором Голдсмита Колледжа, являющегося частью Лондонского университета. Здесь все его таланты как исполнителя и музыковеда, специалиста по русской и современной музыке, педагога и орга-

низатора развернулись в полную мощь. На базе архива Сергея Прокофьева Ивашкин основал Центр Русской Музыки — единственный в Великобритании, а может быть, и во всей Европе. Важной частью этого центра стал Архив Альфреда Шнитке, где собраны практически все возможные материалы — партитуры, записи его музыки, литература о нем.

В Голдсмитс Колледже Ивашкин стал проводить регулярные концерты, посвященные русской музыке. Мне повезло, что один из таких концертов в январе 2002 года был целиком посвящен моей музыке. Саша представил меня, провел со мной интервью и сам прекрасно исполнил несколько моих сочинений. Концерт имел успех, и в результате Саша убедил руководство университета пригласить меня преподавать в этом Колледже. Ивашкин все чаще выступал и как дирижер. На наших с Леной юбилейных концертах он дирижировал мой Первый скрипичный концерт и Третий виолончельный концерт Лены.

Саша стал устраивать ежегодные международные симпозиумы и фестивали, приглашая музыковедов, композиторов и исполнителей отовсюду: из России, Европы, Америки, Азии. Эти мероприятия уже перерастали рамки Колледжа, и их концерты стали проходить в центральных лондонских залах. Так, один из подобных крупных фестивалей-симпозиумов был посвящен Шостаковичу, другой — Шнитке. Там Саша блестяще сыграл Второй виолончельный концерт А. Шнитке в Ройял-Фестивал-Холле с Лондонским филармоническим оркестром под управлением Владимира Юровского.

Сашина игра на виолончели была удивительна, он обладал совершенно особой исполнительской манерой, извлекая из инструмента невероятно выразительный, индивидуальный и сразу узнаваемый звук. Последнее время он играл на инструменте работы Джузеппе Гварнери (1710 года), предоставленном ему в бессрочное пользование фондом «The Bridgewater Trust». Играя

на нем, Саша записал на английской фирме «Чандос» полное собрание виолончельных сочинений Рахманинова, Прокофьева, Шостаковича, Шнитке, Рославца, Черепнина, Канчели. Он исполнил и записал сочинения Гайдна, Чайковского, Шумана, Дворжака, Рихарда Штрауса, Щедрина, Корндорфа, Денисова, Губайдулиной, Тарнопольского, Раскатова, Редгейта, Габриэля Прокофьева и многих других композиторов. Особый интерес представляет собой премьера так называемого «Виолончельного концерта» Брамса, осуществленная Ивашкиным в Гамбурге, на родине композитора. Сочинение это представляет собой первоначальную версию брамсовского Двойного концерта. Позднее он сыграл этот же Концерт в Москве и Санкт-Петербурге.

Живя почти четверть века на Западе, Саша никогда не терял контакта с Россией, ежегодно, иногда по многу раз, приезжая на родину как исполнитель или дирижер. Но кроме России, он с успехом гастролировал в Америке и Канаде, Австралии и Китае, Японии и Новой Зеландии. Таким образом, вопреки известному изречению Козьмы Пруткова, можно сказать, что Саше некоторым образом удалось «объять необъятное».

Последняя наша встреча состоялась 23 апреля 2013 года. Саша устроил презентацию моей музыки для группы своих студентов в Голдсмитс Колледже. Я рассказал о четырех своих оркестровых сочинениях, продемонстрировал записи, а потом отвечал на многочисленные вопросы. Саша уверенно вел эту встречу. Выглядел он хорошо, но я заметил, что он как-то слишком похудел. Тогда подумал, что соблюдает диету — мне и в голову не пришло, что он болен. Однако в сентябре Саша сказал Лене по телефону, что он нездоров — у него язва желудка. И вот, четыре месяца спустя, нас как громом поразило известие, что Саши больше нет. В это просто невозможно было поверить...

Дмитрий Н. СМЕРНОВ

13 февраля 2014 года, Сент-Олбанс, Англия

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

*Смерть можно будет побороть
Уильям Воскресенья.*

Борис Пастернак

В еСТЬ о смерти Александра Ивашкина глубокой болью отозвалась в сердцах всех, кто знает и любит музыку, проявляет интерес к мысли о музыке и видит в ее интерпретации особый вид творчества. Высочайшее качество, присущее всему, что создано А. Ивашкиным, обусловлено его огромным охватом пространства культуры. Такой же размах в невероятном, поражающем количестве завершенных — совершенных деяний этого мастера-универсала, сумевшего соединить такие традиционно считающиеся противоположными видами деятельности, как музыкальное исполнительство и теоретическое познание музыки.

Особое место в жизни и в становлении Ивашкина — человека и музыканта — занял Альфред Шнитке: его творчество оттачивалось буквально на глазах Александра Васильевича и стимулировало все сферы его деятельности. Ивашкин был одним из трех виолончелистов (наряду с М. Ростроповичем и Н. Гутман), для которых Шнитке писал, которым посвящал свои сочинения. Ивашкин стал исполнителем всех его сочинений с участием виолончели — сольных и ансамблевых.

Как музыковед он выступил распорядителем наследия Шнитке — опубликовал аннотированный каталог сочинений композитора (Москва, 1987; Милан 1988); в Турине (1993) и в Лондоне (1996) вышли его книги о Шнитке; под редакцией Ивашкина был опубликован сборник статей А. Шнитке о музыке (Москва, 2004); с 2007 года Ивашкин является главным редактором Собрания сочинений А. Шнитке, выпускаемого издательством «Композитор» (Санкт-Петербург) совместно с архивом Шнитке в Лондонском университете.

Главной книгой А. Ивашкина стали «Беседы с Альфредом Шнитке»¹, вышедшие в 1994 году и выдержавшие к 2006 году еще четыре издания, в том числе в Германии (1998), США (2002) и Японии (2004). В ней отразились не только глубокие личные отношения Ивашкина со Шнитке, но и духовная близость участников этого протяженного диалога, общность системы ценностей жизни и культуры, проблематики существования человека конца XX века. Книга сразу стала бестселлером, произвела неизгладимое впечатление прежде всего как человеческий документ, свиде-